

Проблема церковной культуры

(Краткая запись доклада В. В. Зѣньковскаго на съѣздѣ «Лиги Православной Культуры», 24-26 сент. 1932 г.).

Церковь, какъ источникъ культуры, забыта — это фактъ, который невозможно отвергать. Забыли это и церковные люди, часто противопоставляющіе Церковь міру, мірской культурѣ, тѣмъ болѣе забыли это дѣятели культуры. Мы привыкли къ тому, что Церковь живетъ своей обособленной жизнью, а культура — своей, привыкли, что культура развивается внѣ и помимо Церкви, а Церковь во многомъ остается чуждой тому, что составляетъ смыслъ культуры. Этотъ дуализмъ Церкви и культуры завѣщанъ намъ исторіей, и мы невольно признаемъ его уже непоправимымъ. Не такъ давно была высказана мысль (Н. А. Бердяевымъ) объ антагонизмѣ путей спасенія и творчества, — и хотя этотъ антагонизмъ, по существу, является мнимымъ, не можетъ быть оправданъ догматически, но въ нашемъ сознаніи, въ живой жизни онъ все же является фикціей или преувеличеніемъ. Художники, ученые, философы такъ рѣдко ищутъ въ Церкви питанія и освященія ихъ творчества; пути культуры какъ бы не нуждаются въ благодатной помощи Церкви, могутъ обойтись безъ него именно въ творествѣ, хотя бы нуждались въ немъ въ жизни своей. Уменьшать значеніе этого факта, прикрывать его риторикой, и увѣрять, что культурное творчество нашего времени питается изъ Церкви, было бы недостойно. Конечно, вся трагедія современности, внутренняя безысходность нашей эпохи, какъ разъ въ томъ и заключается, въ томъ, что пути Церкви и культуры разошлись, — но самый фактъ налицо.

Трагичность дуализма Церкви и культуры велика для о б ѣ и х ъ с т о -

р о н ѣ. Для Церкви ея отдаленіе отъ культуры создаетъ пагубное обособленіе, приводитъ къ историческому безсилію Церкви, — а на фонѣ мучительнаго контраста между тѣмъ, какъ полна жизни и силы Церковь внутри себя, и тѣмъ, какъ отдѣлена и отдалена она отъ жизни, отъ культуры, путь вѣры становится все болѣе труднымъ и трагичнымъ. Иногда Церковь призывается къ тому, чтобы благословить тѣ или иныя культурныя начинанія — но это участіе Церкви въ томъ, что уже вошло въ жизнь, лишь обостряетъ въ сознаніи современности внѣжизненность Церкви. Она не является **источникомъ** вдохновенія, **основой** творчества, а приходитъ лишь для того, чтобы увѣнчать то, что сдѣлано безъ нея. Но отрывъ отъ Церкви трагиченъ и для культуры — и здѣсь надо безъ обиняковъ признать: культурное творчество хотя и не слабеетъ, хотя оно все еще полно напряженности и вдохновенія, но, по существу, оно уже въ тупикѣ. Не надо обманываться тѣмъ безспорнымъ подъемомъ, который наблюдается въ разныхъ сферахъ культуры — этотъ подъемъ опредѣляется **инерціей прошлаго**, огромной стимулирующей силой, идущей отъ прошлаго, а съ другой стороны, развитіемъ техники въ творествѣ. Это мы видимъ въ наукѣ, въ искусствѣ, въ соціальной области. Но несмотря на всю техническую высоту и напряженность культурнаго творчества во всѣхъ областяхъ, нельзя не видѣть факта **внутренняго обѣднѣнія культуры**. Утеряна большая идея, которая въ свое время вызвала къ жизни огромную творческую силу, которая одушевляла и зажигала людей. То, что когда то сказалъ Достоевскій

о Европѣ, что въ ней есть огромная жажда жизни, но утерянъ высшій смыслъ жизни, вѣрно въ особенности для культурнаго дѣланія, въ которомъ теперь такъ много риторики, угасающаго вдохновенія, самоповторенія и самоподражанія. Если еще можно было думать раньше, что наука спасетъ мѣръ (вся идеологія Просвѣщенства была построена на этомъ), что «красота спасетъ мѣръ», что обновленіе мѣра придетъ черезъ соціальныя реформы, то теперь ясно, что всѣ эти формы культурнаго творчества сами **нуждаются въ спасеніи**. Быть можетъ, яснѣе всего это въ наше время въ наукѣ, которая, переставъ быть ancilla theologiae (служанкой богословія), попала въ услуженіе земныхъ стихій, стала «къ добру и злу постыдно равнодушна», лицемѣрно прикрываясь своей «нейтральностью, т. е. безразличіемъ. Въ вихрѣ новыхъ идей, которыми богата современная наука, все яснѣе выступаетъ «дурная безконечность» чисто технического новаторства, не одушевленнаго цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ.

Культура, культурное творчество нуждается въ томъ, чтобы вновь найти связь съ міровоззрѣніемъ, съ такими началами, которые могли бы одушевить культуру большой идеей — культура должна вернуться въ Церковь, къ богочеловѣческой основѣ творчества. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы къ Церкви возвращались отдѣльные дѣятели культуры — это даетъ лишь индивидуальное обновленіе и преображеніе, не мѣняя самого состава культуры, не освѣжая ее новымъ одушевленіемъ. То, въ чемъ, по существу, нуждается наша эпоха — есть церковная культура, какъ объективный фактъ оцерковленія творчества и жизни, а не только психологін отдѣльныхъ людей. Всякое отдѣльное возвращеніе къ Церкви можетъ порой даже углублять существующую опасность нашей эпохи, если только оно идетъ въ линіяхъ церковнаго

спиритуализма, отъ котораго нужно всѣчески предостерегать. Подъ церковнымъ спиритуализмомъ я разумѣю то приближеніе къ Церкви, которое сосредотачивается на мистической жизни въ Церкви, минуя ея историческую плоть, ея «эмпирию». Опасность такого спиритуализма, внѣисторическаго воспріятія Церкви тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ болѣе ставится удареніе на оцерковленіе отдѣльныхъ душъ, а не культуры, какъ объективной духовной реальности... Связь отдѣльныхъ душъ съ Церковью, съ ея таинственной жизнью, съ ея благодатными силами никогда не порвется — въ это твердо должно вѣрить согласно слову Спасителя — но эта внутренняя связь, это таинственное и благодатное питаніе души возможно и тамъ, гдѣ культура станетъ проводникомъ безбожія и цинизма: именно о внутренней связи душъ съ Церковью и сказано слово Спасителя о непобѣдимости Церкви силами ада. Но Церковь, какъ богочеловѣческой организмъ — **исторична**, она есть сердце и основа, смыслъ и энтелехія исторической жизни.

Проблема отрыва культуры отъ Церкви стоитъ въ **историческомъ**, а не **мистическомъ** планѣ — равно какъ и проблема церковности культуры есть проблема связи культуры съ исторической церковностью. Церковь невозможно мыслить внѣ ея историческаго воплощенія, внѣ іерархій. Не въ томъ ли роковая, безнадежная мука многихъ теченій протестантизма, что они отрываются отъ историчности Церкви, увѣряютъ себя, что пребываютъ въ Церкви, хотя до конца спиритуализируютъ ее. Тема нашихъ дней состоитъ только въ одномъ — какъ вмѣстить полноту и силу культуры въ **историческую Церковь**, какъ связать культурное творчество съ исторической Церковью, найти въ ней основу и вдохновеніе для культурнаго дѣланія. Не надо закрывать глаза на то, что іерархичность Церкви, по существу, во-

все не отвергающая свободы, исторически оказалась трудно вмѣщающей свободу. То, какъ свобода можетъ разрушать церковность — мы хорошо видимъ въ протестантизмѣ; то, какъ церковность подрѣзаетъ крылья свободѣ — мы хорошо видимъ въ католицизмѣ. Невольно можно подумать, что проблема свободы имѣетъ трагическое значеніе для Церкви — но тема нашей эпохи въ томъ и заключается, чтобы понять и вмѣстить, что только въ Церкви и раскрывается свобода, и обратно, что только въ свободѣ не искажается природа Церкви.

Освященіе культуры, котораго жаждетъ наше время, есть освященіе свободы, есть спасеніе ея, — и мы православные ощущаемъ это, пожалуй, острѣе другихъ исповѣданій, такъ какъ намъ дано опытно постигать, что мы свободны подлинно и глубоко лишь въ Церкви и лишь съ Церковью. Но это опытное переживаніе открываетъ путь, но еще не реализуетъ его: мистическое чувство свободы въ Церкви должно воплощаться въ историческое дѣланіе. Въ культурномъ творествѣ нашей эпохи, иначе говоря въ свѣтской культурѣ, выросшей въ предѣлахъ христіанскаго міра, есть огромный опытъ свободы внѣцерковной — и это есть тоже подлинная свобода, нѣчто священное, чего нельзя отдать ни за какія сокровища. Освященіе свободы не можетъ быть поэтому ея внѣшнимъ ограниченіемъ, ея формальнымъ подчиненіемъ авторитету Церкви, — здѣсь нужно какое-то внутреннее преображеніе, сліяніе съ Церковью въ любви и смиреніи, въ покаяніи и радости, а не внѣшнемъ послушаніи. Только это и можетъ означать «освященіе свободы», только внутреннее въ любви и смиреніи сліяніе таинственныхъ силъ свободы и творчества съ Церковью, преображеніе глубинъ духовной жизни и нужно намъ. Нужно не подчиненіе Церкви,

а сліяніе съ ней, встрѣча во взаимной любви, и встрѣча въ планѣ исторіи, а не внѣ исторической плоти Церкви.

Это встрѣча трудна для обѣихъ сторонъ — зачѣмъ спрашивать это? Строеніе православной культуры трудно для исторической Церкви, какъ трудно оно и для познавшей сладость автономіи свѣтской культуры. И я мыслю это строеніе православной культуры — въ живой цѣлостности, въ творческой работѣ — въ скромныхъ островкахъ, а не въ грандіозныхъ историческихъ масштабахъ. Не черезъ государство, вообще, не черезъ власть, а черезъ вольныя общины, своеобразные новые монастыри, можетъ придти оцерковленіе культуры. Это «островки православной культуры» — въ цѣлостности соціальной, художественной, мыслительной работы, освященной благодатными силами Церкви — могутъ, если Господь благословитъ, стать исходнымъ пунктомъ обновленія исторіи, могутъ своимъ очарованіемъ, своей правдой, своимъ живымъ и свѣтлымъ сочетаніемъ свободы и церковности творческаго вдохновенія и освященности жизни — побѣдить косность исторіи и привести къ новому Ренессансу. Но это возможно лишь, если промыслу Божию угодно подарить челоувѣческой исторіи новую эпоху, — однако, и внѣ этого осуществима церковная культура, осуществимо оцерковленіе, освященіе культуры въ такихъ «островкахъ». Силы Церкви и нынѣ тѣ-же, что были раньше — и отъ насъ зависитъ, чтобы онѣ оказали свое благодатное дѣйствіе на процессы культуры, хотя бы въ немногихъ и скромныхъ «островкахъ». Это не новая утопія, а самая реальная и трезвая программа того, какъ надо объединяться вѣрующимъ людямъ, чтобы въ общинахъ и группахъ жить по правдѣ и творить культуру.